

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-781-790

Научная статья / Research article

Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года

С.А. Притчин

Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Российская Федерация

Занимая ключевое геостратегическое положение в центре Евразийского континента, Узбекистан оказывает значительное влияние на характер развития межрегиональных отношений в Центральной Азии. После произошедшего в 2016 г. транзита власти в республике была проведена постепенная трансформация внешнеполитической модели Узбекистана — от закрытой и изоляционной к проактивной. Это привело к ряду серьезных изменений: произошло серьезное улучшение как характера сотрудничества, так и регионального диалога между странами Центральной Азии. Проанализированы изменения во внешней политике Узбекистана на афганском направлении, их причины и влияние, которое они оказали на положение республики как в регионе Центральной Азии, так и на международной арене. Это особенно актуально, учитывая как важность Афганистана и Узбекистана в качестве партнеров друг для друга, так и степень угроз, исходящих от сложной внутривнутриполитической ситуации в Афганистане и сдерживающих их двустороннее взаимодействие. В качестве методологической основы исследования использовался системный и сравнительный анализ подходов Узбекистана к решению вопросов безопасности посредством реализации своей внешней политики в отношении Афганистана до и после 2016 г. Также были рассмотрены как внутренние факторы, оказывающие влияние на формирование подходов Ташкента к южному соседу, так и внешние. Теоретической основой исследования стал политический реализм. Смена власти в Узбекистане в 2016 г. ознаменовала кардинальный пересмотр подходов Ташкента к афганскому вектору внешней политики. Узбекистан начал реализовывать стратегию по стабилизации ситуации в Афганистане за счет прагматичного развития экономического сотрудничества и поддержки мирного межафганского диалога, отказавшись от жесткой изоляционной политики в отношении своего южного соседа. При этом основной упор в медиаторской деятельности был сделан на форматы, которые были поддержаны США. Таким образом, на сегодняшний день благодаря активизации своей афганской повестки Узбекистан активно наращивает свой авторитет на международной арене в качестве важного регионального игрока для афганского регулирования.

Ключевые слова: Узбекистан, Афганистан, Центральная Азия, «Большая игра», Евразия, Россия, геополитика, ОДКБ, США

Для цитирования: *Притчин С.А.* Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 781—790. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-781-790

© Притчин С.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Transformation of Uzbekistan's Approaches to Afghanistan after 2016

S.A. Pritchins

Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. With its key geostrategic position in the center of the Eurasian continent, Uzbekistan has a prominent impact on the nature of the development of interregional relations in Central Asia. After the transit of power in the republic that took place in 2016, a gradual transformation of Uzbekistan's foreign policy model was carried out — from a closed and isolated to a proactive one. This led to several major changes — there was a significant improvement in both the nature of cooperation and the regional dialogue between the countries of Central Asia. The author analyzes the changes in Uzbekistan's foreign policy in the Afghan direction, their reasons and the impact they had on the position of the republic both in the Central Asian region and in the international arena. This is especially relevant given both the importance of Afghanistan and Uzbekistan as partners for each other and the degree of threats posed by the difficult internal political situation in Afghanistan and holding back their bilateral interaction. As a methodological basis for the study, we used a systematic and comparative analysis of Uzbekistan's approaches to solving security issues through the implementation of its foreign policy towards Afghanistan until 2016 and after. They also considered both internal factors influencing the formation of Uzbek approaches to the southern neighbor, and external ones. The theory of political realism was used as a theoretical basis for the study. The change of power in Uzbekistan in 2016 marked a radical revision of Tashkent's approaches to the Afghan vector of its foreign policy. Uzbekistan has begun to implement a strategy to stabilize the situation in Afghanistan through the pragmatic development of economic cooperation and support for a peaceful inter-Afghan dialogue, abandoning a rigid isolation policy towards its southern neighbor. At the same time, the main emphasis in mediation activities was placed on formats that were supported by the United States. Thus, today, thanks to the revitalization of its Afghan agenda, Uzbekistan is actively increasing its authority in the international arena as an important regional player for Afghan regulation.

Key words: Uzbekistan, Afghanistan, Central Asia, the Great Game, Eurasia, Russia, geopolitics, CSTO, United States

For citation: Pritchins, S.A. (2020). Transformation of Uzbekistan's Approaches to Afghanistan after 2016. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (4), 781—790. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-781-790

Введение

Исторически и географически Узбекистан и Афганистан на протяжении веков имели тесные связи, будучи в разные периоды даже частью одних государств и государственных образований династий Сасанидов, Газневидов и Тимуридов. С приходом Российской империи в Среднюю Азию в XIX в. и началом российско-британского противостояния, получившего название «Большая игра», Узбекистан и Афганистан, которые в тот период, конечно же, не имели таких названий и географических и этнических характеристик, оказались в границах разных сфер влияния. Окончательно политическое разделение было завершено к началу XX в. с вхождением Средней Азии в состав Российской империи и разделением зон влияния с Великобританией в 1907 г. [Сальникова 2009].

В советский период регион Средняя Азия, и Узбекистан в частности, были

важным связующим звеном и актором в политике Москвы в отношении Афганистана. В рамках реализации «братского» характера отношений с Афганистаном многие студенты из этой страны обучались в вузах Узбекской ССР. Во время военной операции Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане основным логистическим центром стал город Термез Узбекской ССР, а сам Узбекистан оставался базовым тыловым районом обеспечения операции¹.

С обретением независимости 31 августа 1991 г. Узбекистан получил возможность самостоятельно выстраивать отношения с южным соседом. Осенью 1992 г. страны установили дипломатические отношения на уровне посольств. Протяженность государственной узбекско-афганской границы

¹ История участия СССР в афганском конфликте // ТАСС. 14.02.2019. URL: <https://tass.ru/info/6116588> (дата обращения: 10.08.2020).

составляет 137 км. Граница в основном проходит по руслу реки Амударья.

Распад СССР и последующее падение дружественного ему режима Мохаммада Наджибуллы в 1992 г. и прихода к власти вооруженной оппозиции в Афганистане обусловили целый комплекс долгосрочных рисков и вызовов безопасности для Центральной Азии в целом и для Узбекистана в частности. Среди них можно выделить следующие наиболее значимые:

— гражданская война между Северным альянсом и Движением «Талибан»² ко второй половине 1990-х гг. создала реальную угрозу переноса боевых действий на север Афганистана и дестабилизации приграничных с Центральной Азией районов, которые преимущественно заселены узбеками и таджиками [Арунова 2014];

— распространение радикального исламизма в Узбекистане и его поддержка со стороны Афганистана стало одной из острейших вызовов для устойчивости светского режима президента Ислама Каримова на первом этапе становления независимости республики [Laumulin 2013]. Жесткая государственная политика и репрессии в отношении исламистских радикалов в конечном итоге позволили нейтрализовать угрозу дестабилизации в стране. Однако исламистская оппозиция в лице таких организаций, как «Хизб ут-тахрир аль-ислами» («Партия исламского освобождения»), Исламское движение Узбекистана (ИДУ, ныне — Исламская партия Туркестана)³ и «Акрамия» продолжили свою деятельность из-за рубежа в первую очередь на территории Афганистана. Баткенские события 1999—2000 гг. с попыткой прорыва боевиков в Узбекистан через территорию Таджикистана и Киргизии показали уязвимость региональной системы безопасности, а также степень рисков, связанных с соседством Афганистана и наличием там радикальных исламистских организаций⁴;

— наркотрафик и сегодня остается ключевой проблемой для стран Центральной Азии и Узбекистана, в частности, ввиду того, что регион является ключевым транзитным направлением для экспорта в первую очередь героина из Афганистана — мирового лидера по производству данного вида наркотика [Аманбекова 2019].

Исходя из данного комплекса угроз и динамики его изменения, формировалась и менялась политика Узбекистана в отношении Афганистана. Дополнительное влияние на подходы к южному соседу также оказывали внутривнутриполитические процессы в самом Узбекистане, а также глобальные мировые процессы геополитической борьбы в Евразии [Конаровский 2017].

Отношения Афганистана и Узбекистана до 2016 г.

Первый этап в развитии отношений между Узбекистаном и Афганистаном (1991—2016 гг.) был достаточно многообещающим с учетом существовавших на этот момент связей. Были установлены дипломатические контакты, началось развитие экономического сотрудничества. Но постепенное ухудшение ситуации в соседней стране, а также рост популярности исламистов в самом Узбекистане вынудили власти республики пересмотреть свои отношения с Афганистаном и начать укреплять границу и ограничивать контакты между странами. В силу возможностей узбекской армии, которая считается самой мощной в Центрально-Азиатском регионе, и ограниченной протяженности границы Ташкенту удалось создать серьезные укрепления на своем берегу Амударьи, обеспечив тем самым необходимый уровень внешней безопасности границы [Syroezhkin 2013].

Тем не менее особо острая ситуация с нарастающей гражданской войной в Афганистане между Северным альянсом и Движением «Талибан» в середине 1990-х гг., а также растущие риски безопасности региону

² Организация запрещена в РФ.

³ Организации запрещены в РФ.

⁴ Евсеев В. Афганская угроза для Центральной Азии // ИНТЕЛРОС. 2013. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m2-2013/>

print:page,1,18217-afganskaya-ugroza-dlya-centralnoy-azii.html (дата обращения: 07.08.2020).

вынудили узбекское руководство предпринять шаги по недопущению дестабилизации ситуации на границе с Узбекистаном. В 1997 г. президент Узбекистана И. Каримов инициировал создание контактной группы «6+2», в которую вошли соседи Афганистана — Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан плюс Россия и США как внешние акторы. Основной целью создания группы было урегулирование разгоревшегося внутриафганского конфликта [Пономарева, Рудов 2011].

Благодаря переговорам в рамках работы контактной группы в июле 1999 г. была подписана «Ташкентская декларация об основных принципах мирного урегулирования в Афганистане»⁵, в которой было предложено провести переговорный процесс по урегулированию конфликта в Афганистане в два этапа. Первый предусматривал принятие мер по укреплению взаимного доверия, а второй — выработку самими афганцами принципов будущего государственного устройства Афганистана.

С началом антитеррористической операции США и их союзников по НАТО «Несокрушимая свобода» в 2001 г. узбекская инициатива контактной группы «6+2» была забыта как не соответствующая новым реалиям. После 2001 г. Узбекистан активно включился в работу коалиции, предоставив свою территорию и воздушное пространство для логистического обеспечения операции [Попов 2014]. Андижанские события 2005 г. и жесткая реакция Запада на действия властей заставили пересмотреть внешнюю политику Узбекистана и свернуть свое сотрудничество с западными странами на афганском направлении, вернувшись к прежнему изоляционному курсу [Попов 2015].

На последнем этапе правления И. Каримова политику Узбекистана на афганском направлении можно охарактеризовать как

⁵ Письмо Постоянного представителя Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 20 июля 1999 года на имя Генерального секретаря // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_990719_TashkentDeclaration%28ru%29.pdf (дата обращения: 05.08.2020).

умеренная сдержанность, которая реализовалась в экономической активности в соседней стране, но при этом была подчинена вопросам обеспечения безопасности [Масаулов 2013]. Следует отметить, что в 2008 г. президент Узбекистана И. Каримов выступал на саммите НАТО — Совета евро-атлантического партнерства (СЕАП) в Бухаресте, где предложил восстановить контактную группу «6+2», но уже в формате «6+3»⁶. Новым участником данного формата должен был стать Североатлантический альянс. Однако как сами региональные силы, так и внешние акторы не проявили заинтересованности в воссоздании подобной группы⁷.

В рамках экономического сотрудничества двух стран необходимо выделить ключевой инфраструктурный проект Узбекистана в Афганистане — железную дорогу Хайратон — Мазари-Шариф протяженностью 75 км, которая соединяет узбекскую железную дорогу со столицей провинции Балх [Fjæstad, Kjærnet 2014]. Как отмечают эксперты, для Узбекистана создание транспортной инфраструктуры, связывающей его с Афганистаном, отвечает ряду первостепенных задач, в частности, обеспечению сбыта своих товаров в соседнюю страну и потенциальному расширению этого маршрута до Герата и далее на иранские порты в Персидском заливе [Ivanenko 2015].

Однако, как было отмечено выше, приоритетным направлением внешней политики Узбекистана на афганском направлении были вопросы обеспечения безопасности южных границ. Поэтому жесткий таможенный и пограничный контроль на границе, ограниченная пропускная способность транспортных узлов, а также таможенных пропускных пунктов стали важнейшими факторами,

⁶ Президент Узбекистана И. Каримов выступил на саммите НАТО в Бухаресте // Subscribe.ru. 03.04.2008. URL: <https://subscribe.ru/archive/news.world.turkestan/200804/04134728.html> (дата обращения: 05.08.2020).

⁷ Саттаров Р. Андрей Сушенцов: Центральная Азия в спектре российско-американских отношений // Central Asian Analytical Network (CAAN). 29.11.2016. URL: <https://caa-network.org/archives/8014> (дата обращения: 05.08.2020).

сдерживающими потенциал торгово-экономического сотрудничества и взаимодействия двух стран [Laruella, Peyrouse 2015].

2016 г. — кардинальная смена позиционирования Узбекистана на мировой арене и на афганском направлении

Приход к власти Ш. Мирзиёева, занимавшего в 2003—2016 гг. пост премьер-министра Узбекистана, в качестве главы государства ознаменовал кардинальную перестройку внешней и внутренней политики республики. Уже в начале 2017 г. была представлена «Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017—2023 гг.»⁸, которая обозначила ключевые направления развития и реформирования Узбекистана на ближайшие пять лет.

Стратегия включает в себя пять основных направлений, среди которых можно особенно выделить задачу по расширению внешнеэкономических связей республики. Выполнение этой задачи способствовало бы переходу экономики Узбекистана на экспортно-ориентированную модель, что, по мнению авторов документа, способствовало бы обеспечению внутреннего долгосрочного роста, привлечению инвестиций, созданию рабочих мест и, как итог, повышению уровня жизни в республике.

Переход на экспортно-ориентированную модель экономики предполагает выстраивание максимально открытых и прагматичных отношений с основными экономическими партнерами Узбекистана для обеспечения доступа на их рынки своих товаров [Толиров 2014]. Именно поэтому в течение первых нескольких месяцев после смены власти в стране началась кардинальная перестройка основ внешней политики Узбекистана.

⁸ Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017—2023 гг. // Проект указа Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 10.08.2020).

Только за 2017 г. Ш. Мирзиёев совершил несколько визитов в соседние страны (Казахстан и Туркменистан), посетил Россию, КНР и США, а также запустил центральноазиатскую площадку для сотрудничества⁹.

Не остался в стороне и Афганистан, который стал одним из приоритетов узбекской внешней политики. В рамках развития внешнеэкономических связей Узбекистана Афганистан стал рассматриваться в качестве важного рынка сбыта для промышленной продукции республики. В первую очередь, были ослаблены меры пограничного и таможенного контроля за перемещением грузов, сдерживающие торгово-экономическое взаимодействие между двумя государствами. Это сразу же способствовало росту взаимной торговли. Только за 2017 г. рост товарооборота составил 20 % и достиг 617 млн долл. США, причем 99 % торговли составил экспорт узбекских товаров в Афганистан¹⁰.

Одновременно активизировались контакты и на политическом уровне. С целью усиления работы на афганском направлении летом 2017 г. в структуре МИД Республики Узбекистан была создана должность специального представителя президента по Афганистану¹¹. Знаковым событием стал состоявшийся в начале декабря 2017 г. трехдневный визит лидера Афганистана А. Гани в Ташкент и Бухару ровно через год после избрания Ш. Мирзиёева на пост президента. По итогам визита удалось не только перезапустить политический диалог на высшем уровне, но и подписать 20 межгосударственных соглашений, среди которых меморандумы о строительстве железной дороги Мазари-Шариф —

⁹ Притчин С. Узбекистан от изоляции к региональному лидерству // Российский совет по международным делам. 06.03.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uzbekistan-ot-izolyatsii-k-regionalnomu-liderstvu/> (дата обращения: 03.08.2020).

¹⁰ Панфилова В. Ташкент и Кабул создают зону свободной торговли // Независимая газета. 18.07.2018. URL: https://www.ng.ru/cis/2018-07-18/6_7269_uzbekistan.html (дата обращения: 03.08.2020).

¹¹ В структуру МИД введен Спецпредставитель Президента по Афганистану // UZDaily. 09.06.2017. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/32904> (дата обращения: 11.08.2020).

Шибирган — Маймана — Герат, строительстве ЛЭП «Сурхон — Пули-Хумри», а также 40 коммерческих контрактов на общую сумму 500 млн долл. США¹².

Помимо этого Узбекистан начал активно развивать гуманитарные и образовательные проекты на юге страны, ориентированные на граждан Афганистана. Так, в начале 2018 г. в пограничном с Афганистаном Термезском районе Сурхандарьинской области Узбекистана был открыт Образовательный центр по обучению афганских граждан при Министерстве высшего и среднего специального образования, созданный для подготовки и переподготовки афганских студентов¹³. На базе центра регулярно проводились различные конференции и бизнес-форумы, которые позволили заметно снизить барьеры для развития двустороннего экономического сотрудничества и приграничной торговли. Так, в рамках узбекско-афганского бизнес-форума с участием представителей Торгово-промышленной палаты Узбекистана и Министерства торговли и промышленности Афганистана удалось согласовать создание приграничной зоны свободной торговли «Узбекистан—Афганистан» в Термезском районе Сурхандарьинской области республики¹⁴.

Несмотря на смену подходов официального Ташкента в отношении Афганистана и рост экономического сотрудничества между государствами, вопросы обеспечения безопасности Узбекистана не ушли на второй план [Uzbekistan's New Face 2018]. В целом в 2000-х гг. ситуация на севере Афганистана в районе узбекской границы была достаточно стабильной, особенно в сравнении с ситуацией в приграничных районах в Таджикистане и Туркменистане [Эргашев 2013]. Во многом

это объясняется тем фактом, что граница Узбекистана с Афганистаном приходится на относительно стабильную провинцию Балх, на территории которой расположена военная база 209-го корпуса афганской армии. Однако, по оценкам экспертов, в последние несколько лет ситуация на этом направлении постепенно ухудшается [Адилходжаева 2017]. Так, в 2015—2016 гг. стали появляться сообщения о проникновении в район боевиков вооруженной оппозиции¹⁵.

Ситуация резко обострилась в 2017 г., когда была проведена массированная атака на комплекс «Шахин», входящий в состав 209-го корпуса вблизи афганского города Мазари-Шариф. В результате атаки, по официальным данным, погибло около 140 афганских военнослужащих¹⁶. В таких условиях официальный Ташкент вернулся к более тесному сотрудничеству в военной и военно-технической сфере с Россией, заметно нарастив закупки современных образцов техники, а также вернувшись к практике регулярных совместных военных учений¹⁷.

Анализируя современную стратегию Ташкента в отношении южного соседа, необходимо отметить комбинированный подход Узбекистана в отношении Афганистана на локальном уровне. Он включает в себя два важнейших аспекта: наращивание прагматичного экономического сотрудничества с Кабулом и укрепление обороноспособности армии для возможности нейтрализации потенциальных угроз со стороны нестабильного соседа. В то же время, выстраивая афганскую стратегию, официальный Ташкент реализует еще один не менее важный аспект уже на глобальном уровне — укрепляет отношения с

¹² Три дня в Узбекистане: как это было // Sputnik Узбекистан. 06.12.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/photo/20171206/7011501/Tri-dnya-Gani-v-Uzbekistane-kak-ehto-bylo.html> (дата обращения: 10.08.2020).

¹³ Первые 110 афганцев стали студентами образовательного центра в Узбекистане // Газета.uz. 23.01.2018. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/01/23/centre/> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁴ Узбекистан и Афганистан запустили приграничную зону торговли // KUN.UZ. 24.05.2019. URL: <https://kun.uz/ru/58998187> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁵ Мендкович Н. На Афганской границе сгущаются тучи // ИА REGNUM. 07.06.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2427944.html> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁶ Строкань С. Афганистан бомбой ответил на бомбу бойней // Коммерсантъ. 24.04.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3280566> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁷ Военное сотрудничество России и Узбекистана в цифрах // Sputnik Узбекистан. 12.11.2019. URL: <https://uz.sputniknews.ru/infographics/20191112/12782206/Voennoe-sotrudnichestvo-Uzbekistana-i-Rossii-tsifry-i-fakty.html> (дата обращения: 11.08.2020).

ключевыми мировыми державами в рамках урегулирования ситуации в Афганистане.

Афганистан как фактор активного вовлечения Узбекистана в глобальные процессы

Активизация афганского направления внешней политики Узбекистана позволила заметным образом повысить авторитет республики и ее востребованность в качестве важного регионального игрока для глобальных акторов. По сравнению с другими странами, которые хотели бы выступать в качестве медиатора по урегулированию ситуации в Афганистане, Узбекистан обладает рядом очевидных преимуществ [Copley 2020].

В первую очередь, республика имеет общую границу с Афганистаном. Ташкент системно выстраивает экономическое сотрудничество с соседом, при этом инвестируя в инфраструктурные проекты, которые вносят существенный вклад в мирное развитие страны [Малышева 2017].

Помимо этого Узбекистан в силу своей гибкой, сбалансированной внешней политики имеет прагматичные и стабильные отношения как с крупными региональными игроками, так и ключевыми глобальными акторами — США, Китаем и Россией. Все эти факторы позволяют Узбекистану находить поддержку для своих миротворческих проектов в отношении Афганистана [Малышева 2018].

Значимым проектом для республики стала международная конференция «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие», которая прошла в Ташкенте в конце марта 2018 г. Узбекской стороне удалось обеспечить участие в работе мероприятия делегаций из таких стран, как США, Россия, Китай, Турция, Иран, Пакистан, Индия, Великобритания, Германия, Италия, Франция, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) [Ганиев, Карякин 2018].

Данная конференция стала одним из наиболее успешных этапов обсуждения возможностей мирного разрешения многолетнего гражданского конфликта в Афганистане за

счет широкого круга вовлеченных игроков, четкого понимания организаторами своих целей, возможностей и ограничителей. По итогам мероприятия была принята так называемая «Ташкентская декларация»¹⁸, которая обозначила ключевые направления работы по урегулированию ситуации в Афганистане: мирный политический диалог на региональном и международном уровне между участниками процесса, меры по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, а также инструменты и меры по активизации регионального политического и экономического сотрудничества.

Одним из важнейших для Узбекистана итогов конференции стала поддержка его инициатив со стороны США и признание Вашингтоном Ташкента в качестве важного регионального игрока на афганском направлении [Морозов 2018]. Именно благодаря афганскому вопросу Ш. Мирзиёеву и узбекской дипломатии в целом удалось выстроить прагматичный и конструктивный диалог с США на современном этапе [Огурцов 2018].

Для Вашингтона страны Центральной Азии являются частью более крупного регионального объединения, куда также входит Афганистан, что долгое время не принималось лидерами стран Центральной Азии [Akbarzadeh 2013]. В то же время прагматичный подход Узбекистана к выстраиванию экономического сотрудничества с Афганистаном создает предпосылки для реализации на практике подобного американского подхода к «Большой Центральной Азии». Именно поэтому Узбекистан и его инициативы всецело поддержаны американской дипломатией. Очередным подтверждением этому послужил визит спецпредставителя США по Афганистану З. Халилзада в Ташкент в конце июня 2020 г. в рамках своего турне в Пакистан и Катар. Помимо участия в виртуальном заседании американской инициативы C5+1 он

¹⁸ Декларация международной конференции «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» // UZA.uz. 27.03.2018. URL: <http://uza.uz/ru/posts/deklaratsiya-tashkentskoy-konferentsii-po-afganistanu-mirnyy-28-03-2018> (дата обращения: 10.08.2020).

провел переговоры с узбекским руководством о ходе урегулирования ситуации в Афганистане¹⁹.

Таким образом, благодаря миротворческим усилиям на афганском направлении Узбекистан успешно закрепил за собой роль ключевого регионального игрока в рамках урегулирования ситуации в Афганистане. Более того, Ташкенту благодаря успешной реализации своих проектов на афганском направлении удалось существенно укрепить свое сотрудничество с Вашингтоном и стать ключевым партнером США в регионе Центральной Азии.

Заключение

Узбекистан традиционно является близким историческим, этническим и экономическим партнером Афганистана. На протяжении 30-летней истории выстраивания отношений с южным соседом в качестве независимого государства Узбекистан стремился иметь полноценные, взаимовыгодные добрососедские отношения с Афганистаном, чему препятствовала сложная внутривосточная ситуация в этом государстве. В то же время

¹⁹ Панфилова В. Узбекистан получит новое задание от США // Независимая газета. 30.06.2020. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-06-30/5_7898_uzbekistan.html (дата обращения: 10.08.2020).

Ташкент неоднократно выступал с международными инициативами по предотвращению развития гражданской войны в Афганистане.

После прихода к власти Ш. Мирзиёева в 2016 г. Узбекистан кардинальным образом пересмотрел свою стратегию на афганском направлении. В первую очередь, он отошел от парадигмы «перманентной угрозы с юга», которой руководствовался первый президент Узбекистана И. Каримов. В условиях крайней нестабильности внутри Афганистана осуществление экономического и иных видов двустороннего сотрудничества было крайне затруднено.

Новый прагматичный подход уже в первый год дал заметные результаты в экономическом и политическом сотрудничестве двух государств. С учетом того фактора, что Афганистан — одна из немногих стран, с которыми у Узбекистана в торговле отмечается положительное сальдо, рост товарооборота позитивно влияет на внешнеэкономические показатели страны.

Помимо исключительно экономических дивидендов Узбекистану также удалось заметно нарастить свой политический вес на международной арене, эффективно используя возможности по организации медиаторской и миротворческой деятельности, нацеленных на урегулирование гражданской войны в Афганистане.

Поступила в редакцию / Received: 15.08.2020
Принята к публикации / Accepted: 02.10.2020

Библиографический список

- Адилходжаева С.М.* Обострение ситуации в Афганистане: новые угрозы миру и пути их предотвращения // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 73—82. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-73-82
- Аманбекова Ш.* Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. № 3. С. 1103—1110.
- Арунова М.Р.* Афганская проблема и соседние мусульманские страны // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2014. № 8. С. 492—509.
- Ганиев Т.А., Карякин В.В.* Военно-политическая обстановка в Исламской Республике Афганистан и ее влияние на безопасность Центрально-Азиатского региона СНГ // Архонт. 2018. Т. 8. № 5. С. 12—20.
- Конаровский М.А.* Афганистан после 2014 года // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 3. С. 242—253. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-242
- Мальшева Д.Б.* Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 14—23. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23
- Мальшева Д.Б.* Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 8. № 2. С. 259—272. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272

- Масаулов С. Афганистан — 2014: неопределенность и риски в развитии политической ситуации в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 6. № 3. С. 75—84.
- Морозов Ю.В. Проблемы и перспективы взаимодействия в Афганистане заинтересованных в этом государств и их союзов // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2018. Т. 14. № 5. С. 955—971.
- Огурцов М.И. Афганский фактор в американо-узбекских отношениях в 2001—2014 гг. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал*. 2018. № 3. С. 38—50.
- Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Афганский фактор в политике стран Центральной Азии // *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2011. № 11. С. 109—120.
- Попов Д.С. Место Узбекистана в центральноазиатской политике США // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 1. С. 74—90.
- Попов Д.С. Участие стран Центральной Азии в снабжении американских войск в Афганистане // *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 1. С. 62—80.
- Сальникова А.В. Афганистан в политике Великобритании и России в конце XIX — начале XX века // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2009. № 99. С. 53—58.
- Эргашев Б. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // *Вызовы безопасности в Центральной Азии / под ред. И.Я. Кобринской*. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 96—99.
- Akbarzadeh S. *Uzbekistan and the United States: Authoritarianism, Islamism, and Washington's Security Agenda*. London: Zed Books, 2013.
- Copley G.R. Uzbekistan Re-Emerges as the Strategic “Heartland of the Heartland” // *International Relations: Politics, Economics, Law*. 2020. Vol. 2019. Iss. 34. P. 17—24. URL: <https://uzjournals.edu.uz/intrel/vol2019/iss34/2> (accessed: 19.07.2020).
- Fjæstad K., Kjærnet H. Performing Statehood: Afghanistan as an Arena for the Central Asian States // *Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No. 3. P. 312—328. DOI: 10.1080/02634937.2014.941713
- Ivanenko V. The Afghan Knot: Conceptual Features of U.S. Strategy in Afghanistan and Eurasia // *Russia and the Moslem World*. 2015. No. 7. P. 33—44.
- Laruelle M., Peyrouse S. *Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development*. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.
- Laumulin M. Central Asia: Security in the Context of post-2014 Afghanistan // *Central Asia and the Caucasus*. 2013. Vol. 14. No. 3. P. 7—19.
- Syroezhkin K. Problem — 2014 and Central Asian Security // *Central Asia and the Caucasus*. 2013. Vol. 14. No. 3. P. 21—33.
- Tolipov F. Central Asia and Afghanistan: The Security Complex Dilemma // *Central Asia and the Caucasus*. 2014. Vol. 15. No. 3. P. 91—103.
- Uzbekistan's New Face* / Ed. by S.F. Star, S.E. Cornell. London: Rowman & Littlefield, 2018.

References

- Adilkhodjaeva, S.M. (2017). The Aggravation of the Situation in Afghanistan: New Threats to Peace and the Ways of Their Prevention. *Comparative Politics Russia*, 8 (4), 73—82. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-73-82
- Amanbekova, Sh. (2019) Afghan Drug Traffic and Regional Security Problems in Central Asia. *Post-Soviet Studies*, 3, 1103—1110. (In Russian).
- Arunova, M.R. (2014). The Afghan Problem and Neighboring Muslim Countries. *Islam in the Middle East*, 8, 492—509. (In Russian).
- Copley, G.R. (2020). Uzbekistan Re-Emerges as the Strategic “Heartland of the Heartland”. *International Relations: Politics, Economics, Law*, 2019 (34), 17—24. URL: <https://uzjournals.edu.uz/intrel/vol2019/iss34/2> (accessed: 19.07.2020).
- Ergashev, B. (2013). Uzbekistan's Policy towards Afghanistan in the Context of Ensuring Regional Security in Central Asia. In: Kobrinskaya, I.Ya. (Eds.). *Challenges to Security in Central Asia*. Moscow: IMEMO RAN publ. P. 96—99. (In Russian).
- Fjæstad, K. & Kjærnet, H. (2014). Performing Statehood: Afghanistan as an Arena for the Central Asian States. *Central Asian Survey*, 33 (3), 312—328. DOI: 10.1080/02634937.2014.941713
- Ganiev, T.A. & Karyakin, V.V. (2018). Military and Political Situation in the Islamic Republic of Afghanistan and Its Impact on the Security in the Central Asian Region of the CIS. *Archon*, 5 (8), 12—20. (In Russian).

- Ivanenko, V. (2015). The Afghan Knot: Conceptual Features of U.S. Strategy in Afghanistan and Eurasia. *Russia and the Moslem World*, 7, 33—43.
- Konarovsky, M.A. (2017). Afghanistan after 2014. *International Organisations Research Journal*, 12 (3), 242—253. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-242
- Laruelle, M. & Peyrouse, S. (2015). *Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development*. London: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Laumulin, M. (2013). Central Asia: Security in the Context of post-2014 Afghanistan. *Central Asia and the Caucasus*, 14 (3), 7—19.
- Malysheva, D.B. (2017). The Afghan Crisis and Post-Soviet Central Asia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61 (8), 14—23. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23
- Malysheva, D.B. (2018). Post-Soviet Central Asia and Afghanistan at the Intersection of the Major Asian states' Interests. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 259—272. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272
- Masaulov, S. (2013). Afghanistan 2014: Uncertainty and Risks in the Development of the Political Situation in Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*, 6 (3), 75—84. (In Russian).
- Morozov, Yu.V. (2018). Issues and Prospects of Interaction among States Concerned and Their Alliances in Afghanistan. *National Interests: Priorities and Security*, 14 (5), 955—971. (In Russian).
- Ogurtsov, M. I. (2018). Afghan Factor in American-Uzbek Relations in 2001—2014. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, 3, 38—50. (In Russian).
- Ponomareva, E.G. & Rudov, G.A. (2011). Afghan Factor in the Policy of Central Asian Countries. *Observer*, 11, 109—120. (In Russian).
- Popov, D. (2014). Central Asian Countries' Involvement in Supplying US Troops in Afghanistan. *National Strategy Issues*, 1, 62—80. (In Russian).
- Popov, D.S. (2015). The Role of Uzbekistan in US Central Asian Policy. *National Strategy Issues*, 1, 74—90. (In Russian).
- Sal'nikova, A.V. (2009). Afghanistan in the Policy of Great Britain and Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 99, 53—58. (In Russian).
- Star, S.F. & Cornell, S.E. (Eds.). (2018). *Uzbekistan's New Face*. London: Rowman & Littlefield.
- Syroezhkin, K. (2013). Problem — 2014 and Security of Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*, 14 (3), 21—33.
- Tolipov, F. (2014). Central Asia and Afghanistan: The Security Complex Dilemma. *Central Asia and the Caucasus*, 15 (3), 91—103.

Сведения об авторе: Пritchин Станислав Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова (e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru).

About the author: Pritchин Stanislav Aleksandrovich — PhD in History, Senior Research Fellow, Center for post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov, Russian Academy of Sciences (e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru).